

100 лет марийского изобразительного искусства: этнографический реализм (1920–1930-е гг.)

Эльвира Мазитовна Колчева

*Казанский государственный институт культуры,
Казань, Россия*

Введение. Статья является первой в серии публикаций, посвященных 100-летию марийской автономии и связанного с этим фактом появления у народа мари профессионального изобразительного искусства. Автор рассматривает его как системный элемент национально-этнической культуры, выполнявший функцию этнокультурной рефлексии художественными средствами на протяжении всего столетнего пути, в котором можно проследить четыре крупных этапа и соответствующие стилистические формы. В статье характеризуется начальный этап развития марийского изобразительного искусства 1920–1930-х гг.

Материалы и методы. Основным материалом стала коллекция художественно-этнографических работ 1920–1930-х гг. из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева. Применялись разнообразные методы: исторического исследования, искусствоведческого анализа художественных произведений, а также авторский метод структурно-архетипического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Первые художественные институции появились в горномарийском крае на рубеже 1910–1920-х гг. благодаря художнику А. В. Григорьеву, впоследствии основавшему с соратниками в Москве Ассоциацию художников революционной России. Систематическое институциональное оформление марийского изобразительного искусства началось во второй половине 1920-х гг., чему способствовала деятельность Марийского областного общества краеведения и Центрального марийского музея в г. Краснококшайске. Основоположниками марийского изобразительного искусства стали приглашенные казанские художники П. А. Радимов, Г. А. Медведев, В. К. Тимофеев, М. М. Васильева, первые художники-мари К. Ф. Егоров и Е. Д. Атлашкина, а также П. Г. Горбунцов. С началом «большого террора» первый этап развития марийского изобразительного искусства фактически прервался, на смену этнографическому реализму пришел социалистический реализм.

Заключение. Развитие изобразительного искусства мари на начальном этапе было стимулировано Марийским областным обществом краеведения и Центральным марийским музеем в лице В. А. Мухина (Сави), В. М. Васильева, Т. Е. Евсеева. Их научно-просветительские интересы, соединившись с документалистски ориентированной программой Ассоциации художников революционной России, способствовали складыванию такой стилистической формы, как этнографический реализм, который стал первой художественной формой этнокультурной рефлексии средствами изобразительного искусства.

Ключевые слова: марийское изобразительное искусство 1920–1930-х гг., этнографический реализм, Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева

Для цитирования: Колчева Э. М. 100 лет марийского изобразительного искусства: этнографический реализм (1920–1930-е гг.) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 293–307. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.293-307.

Введение

Профессиональное изобразительное искусство Марийского края отмечает свой столетний юбилей вместе с юбилеем Республики Марий Эл. В силу особенностей его исторического развития сложилось синкретическое понятие марийского изобразительного искусства, в котором слились региональные и этнические аспекты. Отчасти это следствие инерции советской установки на формирование искусства

«национального по форме, социалистического по содержанию», отчасти – отставания институционального оформления изобразительного искусства в сравнении с другими профессиональными видами творчества в марийской культуре.

Как региональный феномен многонационального искусства России изобразительное искусство края всегда уделяло значительное внимание этническому

своеобразием исконного для данной территории марийского народа. Его становление как самостоятельного явления происходило на основе тесного взаимодействия изобразительных традиций русского (отечественного) искусства и этнической ментальности, привносимой в него художниками-мари. Для последних оно становится художественной формой рефлексии родной культуры. Так складывается национальный феномен изобразительного искусства в марийской художественной культуре наряду с другими профессиональными видами творчества. На каждом этапе развития обнаруживается своеобразие его дискурсивных практик, а потому и репрезентативных форм, которые необходимо рассмотреть в диахронии единого культурного процесса. Проблема современного исследования марийского изобразительного искусства состоит в необходимости обнаружения его как системного элемента национальной культуры, выполняющего функцию этнокультурной рефлексии художественными средствами на протяжении ее исторического развития.

Предметом такого исследования в данной статье являются начальный этап формирования профессионального национально-этнического изобразительного искусства мари, его исторические условия и особенности, репрезентацией которых стал этнографический реализм 1920–1930-х гг.

Обзор литературы

Первую оценку состояния изобразительного искусства края дал в 1936 г. в преддверии 15-летия образования Марийской автономной области (МАО) непосредственный участник событий литератор и общественный деятель В. А. Мухин¹. Он подверг критике этнографическую ориентацию марийского искусства и фактически выступил пропагандистом соцреализма. В то же время в его позиции четко прослеживается взгляд на формирующееся изобразительное искусство как на национальный феномен.

Систематическое научное изучение марийского изобразительного искусства

началось с созданием Марийского отделения Союза художников РСФСР (1961), при этом начальный период оставался на периферии интереса исследователей, поскольку он во многом был связан с именами, находившимися под запретом, и даже после снятия запрета было не принято затрагивать тему репрессий. Кроме того, были уничтожены многие произведения искусства, утрачены документы, что затрудняет исследование.

Первым историком марийского искусства стал искусствовед Б. Ф. Товаров-Кошкин, совместно с С. М. Червонной сделавший обзор работ начального периода через призму отражения в них социалистических преобразований [18; 19]. Г. И. Прокушев в начале 1980-х гг. дал высокую оценку произведений казанских художников на марийскую тему: «Приходится только пожалеть, что работы Радимова и Тимофеева, имеющие не только историческую, но и художественную ценность, не стали достоянием марийского народа» [9, 9]. Однако сам он не занимался исследованием этого периода. Г. И. Соловьева к изучению изобразительного искусства пришла от исследований народного творчества и фактически первой прикоснулась к проблеме изобразительного искусства как этнокультурного явления. Этнографизм 1920-х гг. она порицала, давая положительную оценку национальному неоромантизму (этот термин тогда не использовался) 1960–1980-х гг. [15], развившемся в рамках социалистического реализма.

Переоценка рассматриваемого периода истории марийского изобразительного искусства наметилась в постсоветский период. Значительны работы современного исследователя В. Г. Кудрявцева. Его научный интерес сосредоточен в первую очередь на марийской графике [3]. Особое внимание ученого привлекли трагические страницы ранней истории марийского искусства; совместно с К. Н. Сануковым, автором монографии об А. В. Григорьеве [11; 12], он ввел в научный оборот документы, связанные

¹ См.: Мухин В. А. Изобразительное искусство марий // 15 лет Марийской автономной области. Йошкар-Ола, 1936. С. 205–209.

с основоположниками изобразительного искусства в крае А. В. Григорьевым² и К. Ф. Егоровым³. Трудом, обобщающим научные изыскания автора, стала монография «Художественная культура марийского народа: народное творчество, деревянное зодчество, изобразительное искусство» (2017) [4]. Раздел о профессиональном изобразительном искусстве наглядно демонстрирует синкретический подход в восприятии феномена как регионального и национального одновременно, хотя автор вплотную подошел к дифференциации этих аспектов изобразительного искусства марийского края.

В 2010-х гг. под руководством автора статьи началось комплексное системное исследование произведений рассматриваемого периода, которые хранятся главным образом в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева⁴. Оно предполагало решение проблем их музейного хранения, т. е. паспортизацию, создание электронных каталогов, а также историко-культурологическое изучение, этнографическое и искусствоведческое описание работ. Решение поставленных задач позволило ввести в научный оборот данные произведения как целостную коллекцию культурных ценностей, а также связанные с ней новые документы, восполнить некоторые лакуны в исторической картине событий, выработать оценку начального периода марийского изобразительного искусства и подходы к его дальнейшему изучению. Впервые этот этап был осмыслен как начало институционализации национального изобразительного искусства народа мари. В исследованиях приняли участие историки В. Е. Кутасова [6], С. К. Свечников, О. А. Требушкова [13], этнограф Н. А. Большова [1].

Основным материалом, т. е. источниковой базой, исследования начального этапа развития марийского изобразительного искусства является коллекция художественно-этнографических работ 1920–1930-х гг. из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева. Она составляет около 260 ед. хр. и включает произведения живописи и этюды (около ед. хр.), а также графику: рисунки, этнографические зарисовки и наброски документального характера, выполненные в экспедициях и после их завершения. Коллекция уникальна по богатству запечатленного в ней этнокультурного материала.

Неопубликованные документальные источники представлены материалами Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ), фотодокументального фонда Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева (ФДФ НМ РМЭ). Опубликованные источники включают материалы журнала «Марий Эл»⁵, в котором музей регулярно публиковал отчеты о деятельности. Значительно облегчают работу исследователя издания Государственного архива РМЭ: Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл»⁶, двухтомный сборник документов по культурному строительству в Марийской АССР⁷, много томный сборник документальных очерков «История сел и деревень Республики Марий Эл»⁸.

Круг примененных методов интегративного по характеру исследования разнообразен: это методы исторического исследования, искусствоведческого анализа художественных произведений; культурологические аспекты исследования решались с помощью авторского метода структурно-архетипического анализа [2].

² См.: Кудрявцев В. Г. Александр Владимирович Григорьев: Документы. Статьи. Письма. Воспоминания. Йошкар-Ола, 1992.

³ См.: Кудрявцев В. Г. Художник Константин Егоров. Йошкар-Ола, 1998.

⁴ Проект РГНФ № 09-01-24101 а/В «Этнокультурное пространство в художественно-этнографических работах 20–30-х годов XX века из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева»; проект ФЦП «Культура России 2012–2018» № 12-0017 «Предпечатная подготовка каталога живописи 20–30-х годов XX века из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева».

⁵ См.: Экономическая и краеведческая хроника // Марий Эл. 1927. № 10. С. 198–205.

⁶ См.: Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл». Йошкар-Ола, 2012.

⁷ См.: Культурное строительство в Марийской АССР: сб. док. Йошкар-Ола, 1983–1985. Кн. 1. 1917–1941 гг.; Кн. 2. 1941–1980 гг.

⁸ См.: История сел и деревень Республики Марий Эл: сб. док. очерков. Йошкар-Ола, 2003– .

**Результаты исследования
и их обсуждение**

***Историко-культурные условия
возникновения марийского
изобразительного искусства***

1920–1930-е гг. стали качественно новым этапом развития культуры марийского народа. Первые декреты советской власти и разработанная в ходе долгих политических дискуссий национальная политика ВКП(б) заложили основу федеративного устройства Страны Советов, с предоставлением национальным образованиям автономии или статуса союзной республики. В числе многих государственность получили и марийцы. В 1920 г. была создана Марийская автономная область как «форма административной автономии», а в 1936 г. ее статус был повышен до «формы национально-государственной автономии» [10, 163] – была образована Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. На этом этапе национальная политика Советского государства прошла эволюцию от поддержки и стимулирования национально-культурного строительства до его фактического сворачивания, замены на идеологические внеэтнические приоритеты, что привело к тотальным репрессиям национальной интеллигенции.

В рассматриваемый период были успешно решены многие задачи хозяйственно-экономического и культурного развития марийского края. Началось институциональное оформление марийской культуры, т. е. она стала переходить на стадию культуры национального (модернизационного) типа⁹. Политика «коренизации» молодой советской власти, в частности декрет ВЦИК «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» 1924 г., способствовала тому, что в МАО сложилась система образования на родном языке и практически была ликвидирована неграмотность. Развива-

лась печать на родном языке, формировался слой управленцев из числа мари, крепла творческая и научная интеллигенция.

К концу второй пятилетки (1937) марийский край из аграрного превратился в аграрно-индустриальный. Основными отраслями промышленности стали лесозаготовительная и деревоперерабатывающая, развивались также легкая и пищевая, строительных материалов. В то же время нельзя сбрасывать со счетов сложный процесс коллективизации 1930-х гг., приведший к голоду 1934 и 1936–1937 гг. Два зловещих события, голод 1921–1922 гг. и голод, совпавший с «большим террором», отмечают хронологические рамки и подчеркивают неоднозначность раннего этапа социализма в Стране Советов.

В столице МАО Краснококшайске (1919–1928, с 1928 г. – Йошкар-Ола) культурное строительство в 1920-е гг. выразилось в создании ряда учреждений образования и изучения культуры народа мари, и среди них Марийский областной отдел народного образования (1919), Марийский областной краеведческий музей (1921), Марийское областное общество краеведения (1926), Марийский научно-исследовательский институт (1930). Это десятилетие стало временем формирования научных подходов к изучению этнической культуры и фольклора мари.

В новых условиях систематическое развитие получило профессиональное искусство. 1-й Козьмодемьянский кантонный съезд работников искусств 1921 г. очертил свои идеологические рамки и задачи следующим образом: «...привлечение специалистов в области искусств к активному участию в строительстве пролетарского искусства»¹⁰.

В 1930-е гг. происходила институционализация национальной литературы, драматургии и музыки. В 1934 г. был учрежден Союз писателей МАО как областное отделение Союза писателей СССР, что означало закрепление в марийской литературе метода социалистического реализма. Хрестоматийными образцами этого творче-

⁹ См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.; Екатеринбург, 2002. С. 244.

¹⁰ Культурное строительство в Марийской АССР. Кн. 1. С. 46.

ского метода в литературе стали романы С. Г. Чавайна “Элнет” (1936), Я. Я. Ялкайна “Онго” («Круг») и др. Любительский национальный театр, возникший в 1919 г. как Передвижной театр народа мари, в 1929 г. стал профессиональным коллективом Марийского государственного драматического театра с репертуаром русской драмы и пьесами национальных драматургов, в частности С. Г. Чавайна: “Мўкш отар” («Пасека», 1928), “Илыше вўд” («Живая вода», 1929). Значительными были в эти годы успехи профессионального музыкального искусства, у истоков которого стояли первый марийский композитор И. С. Ключников-Палантай. Были созданы профессиональные исполнительские коллективы: Марийская хоровая капелла под руководством А. И. Искандарова (1933), Марийская государственная филармония (1938), Марийский государственный ансамбль песни и пляски (1939). Музыкальной классикой этого периода стали «Марийская сюита» Н. П. Ракова (1931), «Марийский марш» Я. Эшпая (1931), «Увертюра на марийские темы» В. Шебалина (1936).

Наконец, возникли условия для подготовки профессиональных кадров в области искусства. В 1931 г. был открыт Марийский техникум искусств с музыкальным и театральными отделениями (с 1936 г. – Марийский техникум искусств им. И. С. Палантая, с 1937 г. – Марийское музыкально-театральное училище им. И. С. Палантая).

Изобразительное искусство на общем фоне развития художественной культуры края в рассматриваемый период выглядело наименее развитым. Главным образом оно «обслуживало» другие виды творчества: театр, книгоиздание. Художников было сравнительно немного. В силу отмеченных условий говорить об идейной борьбе каких-либо художественных течений и группировок, бурлившей в это время в искусстве страны, не представляется возможным.

Ростки профессионального изобразительного искусства народа мари относятся к дореволюционному периоду и связаны с именами первых марийских художников П. С. Кушелева, А. В. Григорьева, Е. Д. Атлашкиной, первыми произведениями на

марийскую тему, такими как знаменитая «Черемисская свадьба» Н. Фешина (1908) или этнографические зарисовки финского художника А. Рейнхольма.

В годы революции развернулась деятельность художника-горномари Александра Владимировича Григорьева (1891–1961) по созданию первых институтов художественной культуры в Козьмодемьянске, куда он в 1918 г. прибыл по поручению РКП(б) в качестве заведующего волостным отделом народного образования, а в 1920 г. возглавил уездный комитет РКП(б). Это был краткий, но значительный период в истории становления институтов культуры края. Благодаря усилиям А. В. Григорьева был создан уездный краеведческий музей с художественным отделом (1919), организована школа Казанских государственных свободных художественных мастерских (1919), проведена первая в марийском крае Козьмодемьянская художественная выставка (1920).

Этой личности предстояло сыграть исключительную роль в истории всего советского искусства, в укреплении реализма как творческого метода. «Опытный, энергичный и испытанный работник по всем отраслям партийного и советского строительства», «работник центрального масштаба» [12, 52], он был отозван в 1922 г. в Москву, где вместе с соратниками (одним из них был казанец П. А. Радимов) создал Ассоциацию художников революционной России (АХРР), а позже объединение «Союз советских художников» (1928–1932). Убежденного большевика А. В. Григорьева мало интересовала этнокультурная проблематика, но он способствовал интеграции марийского края в художественную жизнь Советской России. Таким образом, первые институциональные формы профессионального изобразительного искусства в МАО были заложены при нем.

Формирование этнографического реализма в марийском изобразительном искусстве

Процессы, инициировавшие становление изобразительного искусства как этнокультурного феномена, связаны с лугомарийской стороной марийского края, с

учреждением в 1920 г. Центрального уездного музея в г. Краснококшайске (с 1921 г. – Марийский областной краеведческий музей, с 1925 г. – Центральный марийский музей), полноценная деятельность которого началась фактически только в 1924 г., когда на должность директора заступил Тимофей Евсеевич Евсеев (1887–1937).

Значительную роль в деятельности музея играло Марийское областное общество краеведения (1926), которое занималось широким кругом вопросов: от истории и искусства края до его природы и экономики [5]. Членами общества были этнограф Т. Е. Евсеев, писатель С. Г. Чавайн, историк Ф. Е. Егоров, языковед В. М. Васильев, поэт и общественный деятель В. А. Мухин, организатор народного образования мари Л. Я. Мендияров, экономист М. Н. Янтемир (Сазонов) и др. Это была первая когорта национально-демократической интеллигенции, мечтавшая о культурном процветании своего народа и много делавшая для его приближения. Они явились исследователями народной культуры и фольклора, практическими организаторами первых марийских культурных институций, в частности музейного дела. Их отличали разносторонняя одаренность и творческий универсализм. В становление изобразительного искусства большой вклад внесли Владимир Алексеевич Мухин (литературный псевдоним Сави) (1888–1938), Валериан Михайлович Васильев (1883–1961), Тимофей Евсеевич Евсеев.

Общество краеведения активно сотрудничало с музеем, участвуя в исследовательских программах и экспедициях. Первая этнографическая экспедиция в составе Т. Е. Евсеева, В. М. Васильева и Ф. Е. Егорова была организована в 1925 г. 1 октября 1926 г. областной отдел народного образования направил В. М. Васильева, члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в музей научным сотрудником. В 1926–1927 г. Т. Е. Евсеев прошел стажировку в Финляндии, где углубил профессиональные знания в области музейного дела и полевой экспедиционной работы. Началось научное формирование фондов музея. Под руководством председателя общества краеведения (и одновременно за-

ведующего областным отделом народного образования) В. А. Мухина были разработаны мероприятия по созданию художественно-этнографического отдела музея. Эти же ученые выступили консультантами во время съемок АО «Востоккино» в 1928–1929 гг. «социально-этнографического» документального фильма «Марийцы» [17].

Немаловажно, что у ученых имелись сложившиеся еще до революции научные связи с Финно-угорским обществом при Академии наук Финляндии. Например, Т. Е. Евсеев с 1905 г., будучи молодым учителем, принимал участие в этнографических экспедициях по марийскому краю Ю. Вихмана и А. О. Хейкеля [23]. До революции ученый, собирая материал о культуре и быте своего народа самостоятельно, не имел возможности в полной мере популяризировать накопленный научный материал на родине, так как не было соответствующих научных учреждений. Даже после открытия музея в Краснококшайске он сталкивался с обывательским мнением: «Зачем нам в музей одежду и украшения, у нас на улице свой музей» [8, 4]. В связи с этим значительная часть собранного материала была отослана им в Финляндию [21]. В настоящее время в научных фондах Финно-угорского общества помимо рукописных документов Т. Е. Евсеева, в том числе фольклорных текстов на марийском языке, имеются и произведения изобразительного искусства (Е. Д. Атлашкиной, В. К. Тимофеева) [22].

1930-е гг. в истории музея были отмечены новым идеологическим поворотом. В январе 1930 г. 1-я Марийская областная конференция краеведов в своей резолюции отметила, что назрела необходимость «реорганизации Центрального музея краеведения, чтобы он отражал новое социалистическое строительство области, ее естественные богатства, экономику, не исключая в то же время экспозиций по истории и быту из прошлого мари». В последующем работа музея подверглась острой критике «за идеализацию марийской старины и за проявление узконационалистических тенденций» [8, 20–21].

В начале 1930-х гг. В. А. Мухин, ставший первым директором Марийского на-

учно-исследовательского института, получил выговор за «скатывание к троцкизму». Во время всесоюзной кампании по разгрому традиционного краеведения Т. Е. Евсеев и В. М. Васильев, причисленные к представителям «старого краеведения», обвинялись в том, что в музейной практике избегают показывать достижения социалистического строительства. Главное же обвинение, по которому они были высланы из республики на три года, состояло в «контрреволюционной деятельности в пользу Финляндии с целью отторжения МАО от СССР или создания Финно-угорской федерации под протекторатом Финляндии» [5, II]. В годы «большого террора» их уже объявили организаторами «марийской контрреволюционной буржуазно-националистической организации», «инспирированной фашистами Финляндии».

Однако в 1920-х гг. ученые успели сыграть решающую роль в культурной жизни края, в частности в становлении изобразительного искусства, сформировав систематический и тематический запрос на него. Для создания коллекции произведений художественно-этнографического отдела музея была внедрена практика заказов художественных работ на этнографические темы профессиональным художникам, установлены связи с АХПП¹¹. С 1925 г. по начало 1930-х гг. музеем была осуществлена «контрактация» художников П. А. Радимова из Москвы, Г. А. Медведева, В. К. Тимофеева, М. М. Васильевой из Казани. К работе были привлечены местные художники К. Ф. Егоров, Е. Д. Аглашкина, приехавший в 1926 г. в МАО на постоянное место жительства П. Г. Горбунцов.

От художников требовалась этнографическая документальность в отражении повседневной жизни марийского народа. В то же время организаторы и деятели культуры понимали самостоятельное значение художественного типа познания, при приемке произведений критерий художественности был не менее важен. В фотодокументаль-

ном фонде музея сохранились некоторые акты оценочно-приемных комиссий тех лет. Так, в акте от 6 апреля 1927 г. пишется, что «картины необходимо принять для музея лишь те, которые являются вполне законченными и представляют научно-этнографическое или историческое значение»¹².

По итогам «контрактации» 1926 г. общество краеведения выразило неудовлетворенность работами приезжих и признало «целесообразным» привлекать в будущем художников-марийцев, «лучше других знающих марийскую жизнь»¹³. Т. Е. Евсеев нашел замечательное решение возникшей проблемы: летом 1927 г. он включил казанского художника В. К. Тимофеева в состав собственной этнографической экспедиции по Моркинскому кантону МАО, чтобы ввести его во внутренний мир культуры мари. С точки зрения художественного осознания увиденного это принесло яркие плоды, задавало высокую планку местному искусству.

Таким образом, в процесс осмысления традиционной культуры мари средствами искусства изначально оказались вовлечены деятели, находившиеся по отношению к ней как «изнутри», так и «снаружи». У первых за плечами был глубокий опыт ее знания и понимания, у последних – многовековая традиция и художественный опыт русской реалистической школы, к которой уже были приобщены некоторые художники из числа мари.

В результате регулярного сотрудничества в музее образовалась блестящая коллекция художественных работ, которая создавала живой и многоплановый образ марийского народа, представленный в его повседневной жизнедеятельности с характерными этнокультурными особенностями.

В марте 1926 г. состоялась первая выставка картин по итогам экспедиций предыдущего года «работающих для Маробласти» П. А. Радимова и В. К. Тимофеева. Ее значение, по мнению организаторов, состояло в том, что это была «первая попытка выявить жизнь и быт Марийского народа»¹⁴.

¹¹ См.: Экономическая и краеведческая хроника. С. 198–205.

¹² Протокол заседания экспертной комиссии от 06.04.1927 // ФДФ НМ РМЭ. Л. 17. (Переписка о распределении и передаче музейных материалов за 1927 год. Мемориальный фонд коллекции Тимофеев Евсеева на 45 листах).

¹³ Экономическая и краеведческая хроника. С. 199

¹⁴ Там же.

В Краснококшайске по инициативе названных художников был организован филиал АХРР. В 1927 г. в столице МАО состоялась художественная выставка, посвященная 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Она включала уже 56 живописных работ 6 привлеченных художников [9, 9]. К концу 1927 г. в фондах музея насчитывалось более 100 картин, этюдов, эскизов и рисунков, отражавших «преимущественно разные стороны жизни и быта марийского народа и представляющих не только художественный, но также и историко-этнографический интерес»¹⁵.

В последующие два года Т. Е. Евсеев вел активные переговоры с различными учреждениями Народного комиссариата просвещения об издании альбомов или открыток марийских вышивок и репродукций художественных картин из фондов музея.

АХРР стала в те годы своего рода «аналогом профсоюза работников искусства» [16, 106], в чем усматривается немалая заслуга ее лидера А. В. Григорьева. Для художников из регионов АХХР, поддерживаемая правительством и руководством партии, нередко воспринималась как единственная действующая организация, от которой многое зависело в повседневной жизни. В АХРР обратился и Т. Е. Евсеев. Были достигнуты определенные договоренности с коммерческим отделом АХРР в Москве и типографией «Татполиграф» в Казани¹⁶. В Акте обследования деятельности Марийского областного краеведческого музея от 10 августа 1929 г. представителем национальной секции Центрального бюро краеведения П. В. Озеровым как особо ценные отмечаются подготовленные к печати два альбома рисунков и таблиц марийских вышивок и два альбома рисунков «Домашняя утварь мари» художника М. Ф. Хохлова с рекомендацией к их скорейшей публикации. Однако «след» идеи издания репродукций живописных работ из фондов музея теряется, была ли предпринята хоть какая-то попытка подготовки

таковых, неизвестно. 1928 г. был кризисным для АХРР: произошла реорганизация ассоциации, А. В. Григорьев покинул ее ряды. Возможно, тем, кто оказывал поддержку проекту, стало не до провинциальных инициатив. В 1931 г. был арестован и Т. Е. Евсеев, а по выходе из тюрьмы от руководства музеем отстранен.

Начиналась новая страница в истории музея, его коллекций, республики и страны. В годы репрессий изобразительному искусству, как и всей культурной жизни республики, был нанесен существенный урон, прервались связи с казанскими художниками.

Коллекция оказалась забыта на многие годы, не экспонировалась как целое с 1936 г., не издавалась в репродукциях. В годы репрессий и в военный период значительная часть связанных с ней документов была утрачена. О том, как музей взаимодействовал с художниками, можно судить по нескольким сохранившимся трудовым договорам от 1930 г. Художник обязывался написать определенное количество картин на заданные темы («Сплав леса», «Труд марийской женщины по вышивке», «Этюды из быта мари» и т. п.). Оплата подразумевалась по мере написания картин и оценки их «музейно-расценочной» комиссией, авансом выдавалась некоторая сумма (как правило, 250 руб.) «для поездок и собирания материалов»¹⁷. Это все, что известно о программах экспедиций художников на сегодняшний день.

Этнографический реализм как метод национально-этнического изобразительного искусства

Привлеченные художники были активными членами Татарского отделения Ассоциации художников революционной России, практически все, кроме П. Т. Горбунцова и Е. Д. Атлашкиной, имели отношение к Казанской художественной школе и Казанскому высшему художественно-техническому институту. Более

¹⁵ Экономическая и краеведческая хроника. С. 204.

¹⁶ См.: Доклад зав. Областным музеем Т. Евсеева о поездке в г. Москву для выяснения и проведения в жизнь ряда вопросов музейной работы // ГА РМЭ. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–48. (Годовые отчеты о работе Марийского республиканского краеведческого музея за 1926–1930 гг. на 98 листах).

¹⁷ Трудовые договоры с художниками 1930 г. // ФДФ НМ РМЭ. Л. 11–16. (История Марийского краеведческого музея. КП 5397/1-92).

Рис. 1. В. К. Тимофеев. Жатва (1927 г.)

Fig. 1. V. K. Timofeev. Harvest (1927)

того, П. А. Радимов, как уже упоминалось, был соратником А. В. Григорьева в работе по организации АХРР в 1922 г. в Москве.

Творческая программа «ахрровцев», несмотря на провозглашенную задачу «художественно-документально запечатлеть величайший момент истории в его революционном порыве», все же была ориентирована на «действительную картину событий, а не абстрактные измышления», на фиксацию быта «рабочих, крестьянства, деятелей революции и героев труда» [16, 92]. Устремления «героического реализма» АХРР, отличаясь идеологической трактовкой, тем не менее соответствовали интересам марийских ученых-исследователей. Призывы к правдивому, прямому и понятному отображению жизни как нельзя лучше совпадали с задачами ученых-этнографов. Родившийся для характеристики этнически акцентированных тенденций в русской [14], коми [7, 30] и других литературах термин «этнографический реализм» будет здесь более чем уместным.

В регионах в составе АХРР оказалось немало национальных художников, по-разному понимавших задачи этой художественной группировки. Объединением была продолжена заложенная еще в XIX в. традиция поездок по стране в поисках тем

и впечатлений для создания произведений. Художники, обратившиеся к этнографическим темам, трактовали их в широком идейно-эмоциональном спектре: от сочувственно-жалостливого взгляда в духе критического реализма XIX в. (П. А. Радимов «Бабушка и внучек», 1927; П. Т. Горбунцов «Раздумье», 1920–1930-е) до выявления нового типа национального героя – строителя социализма (П. Т. Горбунцов «Заседание сельсовета», 1929; В. К. Тимофеев «Портрет Бирюкова Н. И., пролетарского поэта», «Комсомолка-мари», 1927).

Квинтэссенцией этнографического подхода стали работы, где художникам удалось проникнуться смыслами традиционной культуры. Так, картина В. К. Тимофеева «Жатва» (рис. 1) репрезентирует суть традиционного образа жизни и включает основные сакральные ландшафтные образы, культурные архетипы: поле, священную рощу и священную гору Карман-курък на горизонте. Жатва выступает символом повседневной жизни народа, прежде всего сельскохозяйственного: композиционный центр занимает изображение мужчины на коленях, симметрично расположены женщины, справа налево демонстрируются этапы уборки урожая.

Рис. 2. В. К. Тимофеев. Марийка со снопом поскони (1927 г.)

Fig. 2. V. K. Timofeev. A Mari woman with a sheaf of poskon (hemp stalk) (1927)

Рис. 3. П. А. Радимов. Марнец (1918 г.)

Fig. 3. P. A. Radimov. A Mari man (1918)

До начала модернизации 1930-х гг. образ крестьянского труда и быта в изобразительном искусстве края был самоценен в своем патриархальном виде, для музейфикации он важен именно благодаря этнографичности. Этот труд спокоен, размерен, извечен. Концепт сельского труда как «битвы за урожай» придет в марийское искусство только в послевоенное время. Разнообразие хозяйственных занятий марийцев оказалось запечатленным в произведениях той эпохи в полной мере.

Женское начало марийской культуры сливается в собирательный образ труженицы. Знаковое произведение принадлежит В. К. Тимофееву. Его «Марийка со снопом поскони» (рис. 2) отражает роль и статус женщины в традиционной культуре. Выращивание льна является сакрально значимым занятием в кругу хозяйственных женских занятий, связано с началом мифологического творения мира. Героине картины удалось получить на личной делянке хороший урожай льна, ее гордая осанка

выражает нравственное достоинство, что в полной мере соответствует женскому идеалу, персонифицированному в образе Небесной Девы Юмынудыр.

Мужчина в произведениях исследуемого периода выступает воплощением мудрости, самодостаточности (рис. 3). Картина основоположника марийского изобразительного искусства К. Ф. Егорова «Старик» (1920-е гг.) репрезентирует архетип полуслеплого старца-мудреца, хранителя древнего знания. В продолжение передвижнической традиции выявления народных характеров художники в экспедициях фиксируют национальные типы (В. К. Тимофеев «Народный музыкант», 1926; П. Т. Горбунцов «Тип клепошника из Морков», «Тип марийца-мочальника», 1927).

Появляется на полотнах и культурный герой новой эпохи (рис. 4). В этнографическом ключе он предстает как национальный просветитель и деятель культуры (В. К. Тимофеев «Гусляр Терентьев П. Т.», 1927, «Портрет пролетарского поэта Бирюкова», 1927).

Новый жанр индустриального пейзажа, изобретенный художниками АХРР в период начавшихся экономических преобразований в стране, на этнографическом материале интересен тем, что показывает трансформацию традиционного культурного пространства и стилистически уже тяготеет к социалистическому реализму (рис. 5).

Этнографический реализм 1920–1930-х гг. как форма этнокультурной рефлексии решал познавательную задачу визуального самоописания. Поскольку традиционная культура мари не имела пластической образности в формах видимого мира, требовалось создать наглядный образ своей культуры, как бы увидеть со стороны, предъявить его. Традиционный образ был выражен условным, знаковым языком, о профанном говорилось языком сакрального. В новых парадигмальных условиях необходимо было увидеть собственный профанный образ в профанном мире. Поэтому так тщательно фиксировались типы, типические ситуации и занятия, из которых выстраивался ценностно-значимый мир культурно-архетипических образов.

Культурная политика большевиков привела к тематическим ограничениям само-

Рис. 4. К. Ф. Егоров. Мужской портрет. М. Г. Орлов (1929 г.)

Fig. 4. K. F. Egorov. Portrait of a man. M. G. Orlov (1929)

описания – запрету на религиозные темы. В связи с этим тема праздников, которые в контексте традиционной культуры имели религиозное содержание, в произведениях коллекции отсутствует. Интересно, что получивший распространение уже в

Рис. 5. В. К. Тимофеев. Проводка радио в д. Кокшамары (1936 г.)

Fig. 5. V. K. Timofeev. Radio posting in the village of Kokshamary (1936)

1920-е гг. новый советский праздник Пеледыш пайрем, призванный вытеснить наиболее почитаемые общенародные праздники Семьк, Кугече, Сүрем [20, 461] и в 1925 г. проведенный даже на территории священной рощи, в произведениях этого времени не запечатлен.

Однозначное табу на художественное осмысление духовной культуры народа ведет к трагедии творческой личности. Ярчайший пример этого – биография К. Ф. Егорова, создавшего ряд произведений на тему праздника. Еще в 1926 г. музеем были приобретены шесть его больших картин, в том числе «Моление», «Совет старейшин на кургане», «Ага пайрем»¹⁸. В 1930-е гг. под влиянием идеологической критики художник больше внимания стал уделять революционной и социалистической тематике. Как пишет В. Г. Кудрявцев, К. Ф. Егоров «прошел сложную эволюцию от последовательной приверженности модели национальной самобытности... до активного участника в реализации интернационалистической программы» [3, 107], но это не уберегло его от расправы. Наследие первого марийского художника после его расстрела в 1937 г. в основном было уничтожено.

Картина жизни народа, совокупный образ культуры, сложившийся в результате тщательной фиксации в рамках этнографического реализма, оказался неполным, хотя быт, повседневность, характеры представлены многосторонне, ярко. К. Ф. Егоров, В. К. Тимофеев, П. А. Радимов дали точные психологические характеристики субъектов этнокультурного пространства.

Таким образом, начальным этапом развития профессионального марийского изобразительного искусства как национально-этнического феномена необходимо считать период от создания Марийской автономной области в 1920 г. до изменения ее статуса на Марийскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР в 1936 г., когда началась индустриализация края, сопровождавшаяся «ликвидацией культурного неравенства» народов России.

Институционализация изобразительного искусства мари на фоне развития других видов искусства отставала. Его развитие было стимулировано Марийским областным обществом краеведения и Центральным марийским музеем в лице В. А. Мухина (Сави), В. М. Васильева, Т. Е. Евсеева, введших практику ежегодной «контрактации» художников для написания произведений на тему быта народа мари. Их научно-просветительские интересы, соединившись с документалистски ориентированной программой Ассоциации художников революционной России, способствовали складыванию такой стилистической формы, как этнографический реализм, который стал первой художественной формой этнокультурной рефлексии средствами изобразительного искусства. Он решал задачу наглядного визуального самоописания, а потому специфика репрезентации архетипики как совокупности ценностных констант этнокультуры мари состоит в том, что она представлена этнографической предметностью, в которой духовный смысл узнается, вычитывается из профанных форм.

¹⁸ Акт от 9 сентября 1937 г. // ГА РМЭ. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 13. Л. 26–27. (Марийский республиканский краеведческий музей. Премно-сдаточные акты имущества при смене директоров. 1937 г. на 35 листах).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большова Н. А., Колчева Э. М. Структура этнокультурного пространства в художественно-этнографических работах 20–30-х гг. XX в. из фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 4. С. 174–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20330278> (дата обращения: 11.06.2021).
2. Колчева Э. М. Модель этнокультурного пространства и система его архетипов в контексте изучения национального изобра-

- зительного искусства // Вопросы культурологии. 2015. № 12. С. 48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25644999> (дата обращения: 11.06.2021).
3. Кудрявцев В. Г. Фольклор финно-угорских народов Приволжья и Приуралья в графике XX века. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2010. 255 с.
 4. Кудрявцев В. Г. Художественная культура марийского народа: народное творчество, деревянное зодчество, изобразительное искусство. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2017. 256 с.
 5. Кузьмин Е. П. Особенности становления и развития музеев Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Музейный вестник: ежегод. сб. Йошкар-Ола, 2016. Вып. 10. С. 9–10.
 6. Кутасова В. Е. Этнокультурное пространство – Кокшамары в художественно-этнографических работах в фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Е. Евсеева // Марийский архивный ежегодник: науч.-метод. сб. Йошкар-Ола, 2010. С. 142–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21414424&selid=35473697> (дата обращения: 11.06.2021).
 7. Лимерова В. А., Литовская М. А. Историко-революционный роман в коми литературе 1930–1950-х гг. как результат компромисса // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 23–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22457205> (дата обращения: 11.06.2021).
 8. Марийский научно-краеведческий музей. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 48 с.
 9. Прокушев Г. И. Художники Марийской АССР. Л.: Художник РСФСР, 1982. 180 с.
 10. Сануков К. Н. Марийская автономия: к 90-летию образования Марийской автономной области. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. 175 с.
 11. Сануков К. Н. Наши земляки: пути и судьбы. Йошкар-Ола: Мари Книга, 2011. 340 с.
 12. Сануков К. Н. Судьба художника: [О А. В. Григорьеве]. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2011. 160 с.
 13. Свечников С. К., Требушкова О. А. История Марийского края в живописных полотнах (на примере исторической экспозиции Национального музея им. Т. Евсеева) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 4. С. 63–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25843294> (дата обращения: 11.06.2021).
 14. Соколова В. Ф. Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 261–269. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29457969> (дата обращения: 11.06.2021).
 15. Соловьева Г. И. К характеристике национального и интернационального в живописи Марийской АССР // Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. Йошкар-Ола, 1984. С. 79–115.
 16. Степанян Н. С. Искусство России XX века: Взгляд из 90-х. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с.
 17. Титова Т. А., Вятчина М. В. «Социально-этнографический фильм» в контексте советского кинопроизводства: анализ фильма «Марийцы» (1928 г.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 2. С. 163–175.
 18. Товаров-Кошкин Б. Ф. Художники Марийской АССР. Л.: Художник РСФСР, 1963. 63 с.
 19. Товаров-Кошкин Б. Ф., Червонная С. М. Художники Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. 88 с.
 20. Шкалина Г. Е. Марийский праздник Пеледыш пайрем: перекресток духовных традиций // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 457–467. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.457-467.
 21. Jevsevjev T. Tseremission rakennukset: Ethnographica Jevsevjeviana / toim. I. Lehtinen. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2002. 264 s.
 22. Lehtinen I. Timofej Jevsevjev's ethnographische Sammlungen über die Tschheremissen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985. 138 S.
 23. Museomiehen päiväkirjasta: A. O. Heikelin lehtikirjoituksia / toim. I. Lehtinen. Helsinki: Museovirasto, 1989. 56 s.

Поступила 13.06.2021; одобрена 30.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Э. М. Колчева – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения Казанского государственного института культуры, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

100 years of the Mari fine arts: ethnographic realism (1920–1930)

Elvira M. Kolcheva

Kazan State Institute of Culture,
Kazan, Russia

Introduction. The article is the first in a series of publications dedicated to the 100th anniversary of the Mari autonomy and the fact of the emergence of professional visual arts among the Mari people. The author regards it as a systemic element of national-ethnic culture, which performed the function of ethno-cultural reflection by artistic means throughout the entire century, in which four major stages and corresponding stylistic forms can be traced. The article describes the initial stage of the Mari fine arts of the 1920s – 1930s.

Materials and Methods. The main material was the collection of art and ethnographic works of the 1920s–1930 found in the funds of the National Museum of the Republic of Mari El. The author used various methods: historical research, art history analysis of works of art, as well as the author's own method of structural and archetypal analysis.

Results and Discussion. The first art institutions appeared in the mountainous Mari region at the turn of the 1910–1920 thanks to the artist A.V. Grigoriev, who together with his associates later founded the Association of Artists of Revolutionary Russia in Moscow. The systematic institutionalization of the Mari fine arts began in the second half of the 1920, which was facilitated by the activities of the Mari Regional Society of Local History and the Central Mari Museum in the town of Krasnokokshaisk. The founders of the Mari fine arts were the invited artists from Kazan, namely P. A. Radimov, G. A. Medvedev, V. K. Timofeev, M. M. Vasilyeva, the first Mari artists K. F. Egorov and E. D. Atlashkina, and P. G. Gorbuntsov. With the beginning of the “Great Terror” period, the first stage of the Mari art was interrupted, and socialist realism replaced ethnographic realism.

Conclusion. The development of the fine art of the Mari at the initial stage was stimulated by the Mari Regional Society of Local History and the Central Mari Museum represented by V. A. Mukhin (Savi), V. M. Vasiliev, T. E. Evseev. Their educational interests, combined with the documentary-oriented program of the Association of Artists of Revolutionary Russia, contributed to the formation of such a stylistic form as ethnographic realism, which became the first artistic form of ethnocultural reflection by the means of fine arts.

Keywords: Mari fine art of the 1920s-1930s, ethnographic realism, T. Evseev National Museum of the Republic of Mari El

For citation: Kolcheva EM. 100 years of the Mari fine arts: ethnographic realism (1920–1930). *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13;3:293–307. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.293-307.

REFERENCES

1. Bol'shova NA, Kolcheva EM. The structure of ethnic-cultural space in ethnographic art works of the 1920s-30s from the collections of the T. Yevseyev national museum of the Mari El Republic. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. 2013;4:174–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20330278> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
2. Kolcheva EM. The model of the ethno-cultural space and the system of its archetypes in the context of the study of national fine arts. *Voprosy kul'turologii = Cultural issues*. 2015;12:48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25644999> (accessed 11.10.2021). (In Russ.)
3. Kudryavtsev VG. Folklore of the Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals in the schedule of the XX century. Yoshkar-Ola; 2010. (In Russ.)
4. Kudrjavcev VG. Artistic culture of the Mari people: folk art, wooden architecture, fine art. Yoshkar-Ola; 2017. (In Russ.)
5. Kuz'min EP. Features of the formation and development of Museums in the Middle Volga Region in the 1920s. *Muzeinyi vestnik: ezhegod. sb. = Museum Gazette. Annual collection*. Yoshkar-Ola, 2016; 10: 9–10. (In Russ.)
6. Kutasova VE. Ethnocultural space – Kokshamars in artistic and ethnographic works in the funds of the National Mu-

- seum of the Republic of Mari El named after T. E. Evseev. *Mariiskii arkhivnyi ezhegodnik: nauch.-metod. sb.* = Mari archival yearbook. Scientific and methodological collection. Yoshkar-Ola; 2010:142–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21414424&selid=35473697> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
7. Limerova VA, Litovskaya MA. Historical and revolutionary Novel in the Komi literature of the 1930s–1950s as a result of compromise. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Bulletin. 2014;3:23–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22457205> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 8. Mari Museum of Local Lore. Yoshkar-Ola; 1990. (In Russ.)
 9. Prokushev GI. Artists of the Mari ASSR. Leningrad; 1982. (In Russ.)
 10. Sanukov KN. Mari Autonomy: to the 90th anniversary of the formation of the Mari Autonomous Region. Yoshkar-Ola; 2010. (In Russ.)
 11. Sanukov KN. Our countrymen. Ways and destinies. Yoshkar-Ola; 2011. (In Russ.)
 12. Sanukov KN The fate of the artist: [About A. V. Grigoriev]. Yoshkar-Ola; 2011. (In Russ.)
 13. Svechnikov SK, Trebushkova OA. The history of the Mari Region in paintings (on the example of the historical exposition of the National Museum named after T. Evseev). *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki* = Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2015;4:63–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25843294> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 14. Sokolova VF. Ethnographic direction in the Russian literature of the XIX century. *Kul'tura i tsivilizatsiia* = Culture and civilization. 2017;7;1A:261–269. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29457969> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 15. Solov'eva GI. On the characteristics of the national and international in the painting of the Mari ASSR. *Mezhnatsional'nye svyazi mariiskogo fol'klora, literatury i iskusstva* = Interethnic ties of Mari folklore, literature and art. Yoshkar-Ola; 1984:79–115. (In Russ.)
 16. Stepanyan NS. Art of Russia of the XX century. A look from the 90's. Moscow; 1999. (In Russ.)
 17. Titova TA, Vyatchina MV. “Socio-ethnographic film” in the context of Soviet film production: an analysis of the film “Mari People” (1928). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2018;12;2:163–175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35329012> (accessed 11.06.2021). (In Russ.)
 18. Tovarov-Koshkin BF. Artists of the Mari ASSR. Leningrad; 1963. (In Russ.)
 19. Tovarov-Koshkin BF, Chervonnaja SM. Artists of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola; 1978. (In Russ.)
 20. Shkalina GE. Mari holiday of Peledysh Payrem: crossroads of spiritual traditions. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:457–467. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.457-467.
 21. Jevsevjev T. Tseremissien rakennukset: Ethnographica Jevsevjeviana / toim. I. Lehtinen. Helsinki; 2002.
 22. Lehtinen I. Timofej Jevsevjev's ethnographische Sammlungen über die Tseremissien. Helsinki; 1985.
 23. Museomiehen päiväkirjasta. A. O. Heikelin lehtikirjötuksia / toim. I. Lehtinen. Helsinki; 1989.

Submitted 13.06.2021; reviewing 30.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. M. Kolcheva – Candidate Sc. {Art History}, Associate Professor, Department of the Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>